

РАЗВЛЕЧЕНІЕ

4/411
р-3111

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ

СЪ ПОЛИТИПАЖАМИ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ книжныхъ магазинахъ: Гг. Блазунова, Свѣш-
никова, Щепкина, Лоскутова, Улитина, Салаева,
Глазунова и въ Конторѣ типографіи Каткова
и Комп.

1859.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ

Въ Москвѣ безъ доставки . . . 3 р. с. въ годъ.
Съ доставкою 4 -
Въ С.-Петербургѣ безъ доставки 4 -
Съ пересылкою въ города . . . 5 -

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

СОДЕРЖАНІЕ: Раннее утро. Стих. М. Д. — Голова. Разсказъ. А. Марченко. — Сердце и море. Стих. П. — Il Beato. Повесть. — Наше время. Н. Н—на. — Анекдотъ. — Замѣтка. — Рисунки: С. А. Любовникова и И. О. Шестакова.

РАННЕЕ УТРО.

Сегодня меня на разсвѣтъ
Пастушій рожокъ разбудилъ;
Опомнясь со сна, что въ деревнѣ,
Я дверь на балконъ отворилъ....
Востокъ золотится, алыютъ
Слегка уже облакъ края,
И свѣжестью утра пахнуло,
Какъ силой живой на меня!

На чистомъ лугу, предъ деревней,
Гдѣ скатертью стелется прудъ,
Сбирается стадо; лѣнливо
Коровы съ мычаньемъ идутъ;
И прыгаютъ рѣзвыя козы,
И овцы бѣгутъ и бѣдятъ,
А птички давно встрепенулись
И въ воздухъ свѣтломъ кружатъ!

Все небо торжественно тихо!
Но вотъ облака собрались
И идутъ все ближе къ востоку,
И вспыхнувъ, въ цвѣтѣ убрались,
Какъ будто къ торжественной встрѣчѣ
Сошлись, ожидая царя;
И вотъ—пурпуровой рѣкою
Востокъ наводнила заря!

И выкатяся огненнымъ шаромъ,
Блеснуло свѣтило земли,
И тѣни, какъ дѣти ночныя,
Попадавъ, къ землѣ прилегли!
Но вспыхнули золотомъ, блескомъ
Верхи и деревьевъ, и горъ,
И искры въ пруду заструились,
И птички воскликнули въ хоръ!

М. Д.

3 Юля 1845.

ГОЛОВА.

(Юмористическій эскизъ.)

(Окончаніе).

Между тѣмъ виновникъ всѣхъ этихъ толковъ, Вла-
диміръ Иванычъ, лежалъ вытянувшись во весь ростъ
на диванѣ. Головная боль не оставяла его.

Онъ слышалъ, какъ въ передней тихо спросили:
дома ли онъ?—какъ снимали калоши, какъ кто-то тро-
нулъ ручку двери, нерѣшительно высморкался, потомъ
опять тронулъ дверь, опять высморкался, кашлянулъ
два раза смѣлѣе, и наконецъ....

Дверь отворилась... Въ комнату вошелъ Попка съ
веселымъ лицомъ и пріятною улыбкою.

— Здравствуйте, любезнѣйшій Владиміръ Иванычъ! Живы ли, здоровы ли?... Давно васъ не тово.... не видно, не слышно!

И онъ заключилъ Владиміра Иваныча въ свои широкія объятія прежде, чѣмъ тотъ успѣлъ опомниться.

Въ комнатѣ раздались звуки крѣпкихъ поцѣлуевъ, отъ которыхъ у Владиміра Иваныча зазвенѣло въ ушахъ.

— Да вы тово.... перемѣнились!... Очень пере-тово.... перемѣнились!... Похудѣли, поблѣднѣли.... Что съ вами?

И онъ снова бросился обнимать Владиміра, который, видя бѣду неминуемую, заблаговременно закрылъ глаза, предоставивъ себя на волю рока.

Когда они усѣлись, Владиміръ началъ тихимъ голосомъ:

— Я очень разстроены! Нервы у меня до такой степени слабы, что я не могу даже громко говорить....

— Ишь, какъ вы тово.... поразстроили себя, сердечный.... и Богъ знаетъ изъ-за чего! сказала ласково Попка, понижая голосъ и причмокнувъ два раза съ участіемъ.

— Въ эти дни я не могъ переносить ни малѣйшаго шума! Хорошо я сдѣлалъ, что отослалъ къ вамъ свою канарейку.... Что, какъ она?

Попка не слушалъ его. Въ эту минуту онъ обдумывалъ, какъ бы ловчѣ приступить къ дѣлу.

— Очень вамъ благодаренъ!... Слава Богу, здорова! отвѣчалъ онъ въ разсѣянности: тоже немножко тово.... скучаетъ! Дастъ Богъ, раз-тово.... развеселится!

— Какъ? И перестала пѣть?

— Съ тѣхъ поръ, какъ вы не тово.... не приходили!

— Отъ чего же это?

— Вы лучше меня должны тово.... знать! отвѣчалъ Попка ласково, но иронически.

— Ей Богу не знаю!

— Развѣ вы не тово.... не вѣрите въ симпатію, въ тово.... въ привязанность, ну, въ маленькую тово.... въ привычку? весело продолжалъ Попка, внутренне радуясь, что разговоръ принялъ именно то направленіе, котораго онъ желалъ.

Владиміръ въ это время не могъ ни думать, ни соображать. Онъ даже не удивлялся, что не совсѣмъ ясно понимаетъ Попеньку, считая это слѣдствіемъ головной боли.

— Да! Можетъ быть и привычка! отвѣчалъ онъ машинально: ну, да это ничего!... Отвыкнетъ, когда привыкнетъ.

— Нѣтъ-съ. Я съ этимъ не тово.... не согласенъ! Какая тово.... натура! Вы знаете ли, что умираютъ отъ тово.... тотъ какъ его.... отъ привычки!

Владиміръ Иванычъ молчалъ.

— Къ чему намъ церемониться! продолжалъ Попень-

ка дружески: будемъ говорить откровенно! Вы знаете, что мы васъ тово.... очень тово.... любимъ. Вы человекъ прекрасный. Зачѣмъ же вы хотите скрыть отъ насъ то, о чемъ мы догадываемся! Вы скучаете и она скучаетъ! Какъ тутъ ни тово....

— Вы хотите, чтобъ я взялъ ее? спросилъ Владиміръ Иванычъ, уставивъ изумленные глаза на своего гостя.

— То есть, какъ я хочу?... Если это ваше желаніе— я не прочь! Но насильно кто же будетъ тово.... навязывать! сказалъ нѣсколько громко Попка. Я сказалъ это единственно потому, что тово.... былъ тово.... тотъ какъ его.... увѣренъ, что вы тово.... желаете, да не рѣшаетесь!

— Да! Я точно привыкъ къ ней! говорилъ Владиміръ Иванычъ сквозь зубы, что показалось гостю очень сантиментальнымъ. Я люблю ее, если хотите; даже очень люблю!... Веселенькое, милое такое созданіе! И какъ поетъ! Но все это тѣмъ болѣе можетъ служить доказательствомъ моего къ вамъ расположенія. Мнѣ хотѣлось сдѣлать вамъ удовольствіе....

— Ишь какую гиль несетъ! подумалъ Попка, а вслухъ прибавилъ, перебивая его:— Очень вамъ благодаренъ, Владиміръ Иванычъ! Только зачѣмъ же вы до сихъ поръ скрывали, что ее любите?

— Но, кажется, я этого не старался скрывать.

— Такъ-то такъ, по это дѣло десятое! Давно бы вамъ тово.... Вы знаете, какъ этимъ вы всѣхъ насъ тово.... обрадуете! Ляля, бѣдняжка, всѣ эти дни ходила сама не своя! У ней пренѣжная тово.... тотъ какъ его....

— Жаль только, что она не поетъ по ночамъ!

Попка весело захохоталъ и, вскочивъ съ кресла, пророчески ударилъ по плечу Владиміра Иваныча.

— Запоетъ! Запоетъ! Не безпокойтесь!

— Вы думаете? отвѣчалъ спокойно Владиміръ Иванычъ.

— Я увѣренъ!... Ха, ха, ха!... Ахъ, вы проказникъ!... Вотъ онъ о чемъ думаетъ!... Хе, хе, хе!...

— Это было бы интересно!

— Очень интересно! Хо, хо, хо!... Что?

Владиміръ Иванычъ тоже разсмѣялся, самъ не зная почему: потому ли, что смѣхъ заразителенъ, или потому, что веселая фигура Попки вселяла хорошее расположение духа.

— Ну, что? Чай тово.... и болѣзнь прошла? спросилъ Попка, цѣлуя Владиміра Иваныча.

— Дѣйствительно, мнѣ легче стало....

— Одѣвайтесь же! Ѣдемъ! Вся боль пройдетъ!

— Куда?

— Разумѣется къ намъ!... Одѣвайтесь!... Теперь скучать уже не тово.... не слѣдуетъ! Надо.... тотъ какъ его.... радоваться!

Веселый тонъ Папки, въ самомъ дѣлѣ, цѣлбно по-
дѣйствовалъ на нервы Владиміра Иваныча.

— Но какъ же это? отвѣчалъ онъ нерѣшительно:
я все еще чувствую себя не совсѣмъ хорошо?

— Пустяки! Говорю вамъ, пройдетъ! Одѣвайтесь!

Владиміръ Иванычъ ушелъ въ кабинетъ. Попка мѣ-
рля большими шагами комнату по всѣмъ направле-
ніямъ, останавливаясь передъ каждымъ зеркаломъ и
самодовольно потирая ладонью бакенбарды.

Черезъ десять минутъ, они катили въ саняхъ, не
говоря ни слова.

Ляля и мать ея сидѣли въ залѣ, когда вошелъ Попка
съ Владиміромъ Иванычемъ. Ляля покраснѣла, а мать
взглянувъ на торжествующую фізіономію мужа, про-
сіяла.

— Вотъ тебѣ, Ляля, тотъ какъ его... сюрприз!
сказалъ Попка, подводя къ пей гостя: дарю тебѣ Вла-
диміра Иваныча! Онъ боленъ, сердечный, такъ ты его
по-тово... полечи!... Хе, хе, хе!

Ляля смѣшалась и не знала, что сказать. Владиміръ
раскланивался съ мамашей и съ дочерью.

Улучивъ минуту, Попка шепнулъ на ухо женѣ
своей:

— Того, объяснился....

Мать особенно нѣжно потрясла руку гостя. Онъ
обвороженъ былъ ласковымъ приѣмомъ. Ляля казалась
ему еще милѣе. Щеки ея горѣли розовымъ дѣвствен-
нымъ румянцемъ. Въ ея большихъ голубыхъ глазахъ
сіяли нѣга и удовольствіе.

Пользуясь минутой, когда отецъ разспрашивалъ свою
супругу, скоро ли будетъ готовъ обѣдъ и почему до
сихъ поръ не подають, Ляля сказала Владиміру Ива-
нычу въ полголоса:

— Вы скажете мнѣ сегодня, отъ чего прошлый разъ
вы были такъ грустны?

Владиміръ Иванычъ, любуясь ея жемчужными зуб-
ками, невольно улыбался, какъ котъ на сало.

— Могу ли я говорить съ вами о грусти? отвѣчалъ
онъ, не спуская глазъ съ ея хорошенькаго личика.

— Но вѣдь было жѣ вамъ грустно прошлый разъ?
Вы сами сознались!...

— Обѣдать!... Милости просимъ!... Успѣете, успѣ-
те!... Хе, хе, хе! говорилъ Попка, положивъ одну руку
на плечо Владиміра Иваныча, а другую на плечо Ляли;
но тотчасъ же, отскочивъ проворно, подставилъ со-
гнутую руку своей супругѣ, перегнувшись, какъ слѣ-
дуетъ, на правый бокъ.

— Руку дамамъ! прокричалъ онъ, хлопая въ ладони
и оглядываясь.

Но молодежи не нужно было напоминать объ этомъ.
Они шли рука объ руку очень близко другъ къ другу.
За обѣдомъ Владиміръ Иванычъ сидѣлъ подлѣ Ляли.

Попка усѣлся въ концѣ стола противъ Душеньки. Изъ
смѣжной комнаты выглядывали чьи-то любопытныя го-
ловы, вѣроятно, принадлежавшія прислугѣ Трамбовыхъ.
Эти головы очевидно не имѣли намѣренія *себя пока-
зать*, потому что исчезали при малѣйшемъ поворотѣ
хозяйскихъ лицъ въ ихъ сторону. Владиміръ Иванычъ
не видалъ этого. Онъ не замѣтилъ даже поставленныхъ
на столѣ передъ каждымъ приборомъ бокаловъ для
шампанскаго.

Мать молчала съ достоинствомъ. Отецъ говорилъ
много, убирая за обѣ щеки, что вмѣстѣ съ «того» и
«тотъ какъ его» лишало всякой возможности уловить
смыслъ его фразъ. Молодежь смѣялась между собою.

Принесено шампанское и разлито въ бокалы....

Попка вытащилъ изъ петлички фрака салфетку, два
раза провелъ ею по губамъ, свернулъ ее, положилъ на
столъ, и, взявъ бокаль шампанскаго, поднялся на сво-
емъ мѣстѣ. Лицо его приняло официальное выра-
женіе.

— Ляля, другъ мой! сказалъ онъ голосомъ, въ кото-
ромъ звучало искреннее чувство, — сегодня мы будемъ
пить твое здоровье и Владиміра Иваныча!... Онъ от-
крылся мнѣ, что любитъ тебя; а я увѣренъ, что ты его
любишь!... Намъ, какъ родителямъ, остается только
поблагодарить Бога, благословить васъ и радоваться
вашей радости!...

И онъ пошелъ съ бокаломъ цѣловать молодую чету....

Если бы пятипудовая бомба упала въ эту минуту
на столъ и разорвалась, Владиміръ Иванычъ мнѣше
былъ бы изумленъ, чѣмъ этимъ спичемъ. Онъ поблѣд-
нѣлъ и рѣшительно не могъ понять, гдѣ онъ, что съ
нимъ, не сонъ ли это, не бредъ ли разстроеннаго во-
ображенія, не сумасшество ли?

А между тѣмъ Попка уже пролилъ ему за рукавъ
полбокала шампанскаго, поцѣловавшись съ нимъ, уже
успѣлъ поцѣловаться съ дочерью и отправился съ
твердымъ намѣреніемъ облобызывать свою супругу.

— Позвольте! сказалъ Владиміръ Иванычъ судорож-
но схвативъ Попку за локоть и проливъ ему за ру-
кавъ остальное шампанское изъ его бокала. Я не по-
пьялъ, что вы сказали!

Попка добродушно сжалъ его въ своихъ объятіяхъ
и цѣлуя его попеременно то въ одну, то въ другую
щеку, говорилъ:

— Я васъ.... тово.... благословляю.... будьте счаст-
ливы съ моею.... Лялей.... любите другъ друга.... мы
рады принять васъ въ свое семейство....

Лицо Попки до того дышало искренностію, что Вла-
диміръ посмотрѣлъ на него, какъ на сумасшедшаго.

— Откуда вы взяли это?... Помилуйте! произнесъ
онъ съ отчаяніемъ: вѣдь это съ вашей стороны самая
жестокая насмѣшка не только надо мной, но и надъ

вашей дочери!... Какъ это вы могли рѣшиться на подобный поступокъ, не спросивъ меня и, вѣроятно, безъ согласія вашей дочери? ... Этого я не ожидалъ отъ васъ!...

Испуганная Ляля была блѣднѣе полотна.

— Папенька!... что вы надѣлали! сказала она, закрывшись платкомъ, и, удерживая рыданія, убѣжала въ другую комнату.

Душенька остолбенѣла.

Попка до того растерялся, что стоялъ неподвижно, хлопая глазами. Губы его шевелились.

— Какъ? сказалъ онъ съ ужасомъ: что это такое?... Въ моемъ домѣ... такое безчестье... обманъ!... Вы отпираетесь отъ своихъ словъ...

— Позвольте, позвольте!... Скажите сначала, отъ какихъ словъ?

— Какъ отъ какихъ словъ?... Не сами ли вы сегодня въ глаза мнѣ говорили, что очень любите мою дочь!... А?... Что?... А?... Надѣюсь, что вы отъ этого не отопретесь? Что?... А?... Сказать это въ глаза отцу, мнѣ кажется, все равно, что сдѣлать формальное предложеніе!... Что?

— Когда же я говорилъ вамъ это? Помилуйте! У насъ сегодня и разговора не было о вашей дечери!...

— Такъ о какомъ же вы чортѣ говорили, что очень любите, что это милое созданье... что хорошо поетъ... и чортъ знаетъ, всего не упомянешь? отвѣчалъ Попка, горячась болѣе и болѣе.

— Ахъ, Боже мой! вскричалъ изступленнымъ голосомъ Владиміръ Иванычъ, ударивъ себя въ голову обѣими руками: вы не поняли меня! Я говорилъ о канарейкѣ!...

Въ комнатѣ воцарилась глубокая тишина, та самая, когда бываетъ слышно, какъ пролетитъ муха.

Но среди этой тишины страшно колотились сердца дѣйствующихъ лицъ этой сцены, хотя этого и не было слышно.

Глубоко пораженный Попка опустился въ кресла. Грудь его тяжело дышала. Позеленѣвшая жена его съ помутившимися глазами сидѣла ни жива, ни мертва.

Владиміръ Иванычъ самъ не помнилъ, какъ очутился на улицѣ.

Черезъ три дня я сидѣлъ у Владиміра Иваныча. Первое впечатлѣніе уже унеслось. Онъ смотрѣлъ хладнокровнѣе на это происшествіе. Бранилъ себя, зачѣмъ не сказалъ *того*, а говорилъ *это* и наконецъ прибавилъ профессорскимъ тономъ:

— Странныя мы созданія, люди! Повѣришь ли, съ тѣхъ поръ, какъ это со мной случилось, я сталъ смо-

трѣть на вещи совѣтъ другими глазами!... Знаешь ли, что приходитъ мнѣ въ голову?

— Богъ тебя знаетъ!

— Я думаю: можетъ быть, сама судьба заботилась о моемъ счастьи! Какъ знать, можетъ быть, Ляля составила бы счастье всей моей жизни!...

Я слушалъ.

— Откровенно признаюсь тебѣ, продолжалъ онъ съ возрастающимъ жаромъ: теперь это дѣло конченное! Я съ нею больше не увижусь, — но она нравилась мнѣ болѣе всѣхъ, кого я зналъ и знаю... Я даже чувствую, что я любилъ ее, самъ этого не замѣчая!...

Онъ сталъ ходить по комнатѣ большими шагами.

— Жаль мнѣ, душевно жаль бѣдную Лялю! говорилъ онъ, утихая: чѣмъ она виновата?... Что будешь дѣлать!... Вѣрно судьбѣ такъ угодно!...

Въ это время лакей подалъ ему письмо. Владиміръ Иванычъ посмотрѣлъ на адресъ, быстро перевернулъ конвертъ, разломалъ печать и сталъ читать. По глазамъ его видно было, что содержаніе этого письма не радовало его.

— Вотъ кстати! сказалъ онъ, подавая его мнѣ: — прочти!...

Письмо было отъ Трамбова. Онъ писалъ, что считаетъ своею обязанностію извиниться передъ Владиміромъ Иванычемъ въ своей непростительно-грубой ошибкѣ, которую проситъ не приписывать низкой хитрости, и вмѣстѣ съ тѣмъ, хранить ее въ тайнѣ, дабы не повредить репутаціи дочери, за которую сватается достойнѣйшій Тарасъ Тарасычъ. При этомъ онъ изъявилъ душевное сожалѣніе въ потерѣ его милаго и пріятнаго знакомства.

Владиміръ Иванычъ ходилъ по комнатѣ, задумавшись.

— Кто принесъ это письмо? спросилъ онъ у чловека.

— Городская почта, сударь.

— Хорошо!... ступай!... «А счастье было такъ возможно!» продекламировалъ онъ, вздохнувъ тяжело. А все голова! прибавилъ онъ, скрестивъ на груди руки и остановившись передо мною: мало того, что не даетъ покою, такъ еще можетъ имѣть вліяніе на всю будущую судьбу!...

Ровно черезъ три дня послѣ этого разговора, въ домѣ Трамбовыхъ снова пили шампанское и поздравляли жениха и невѣсту. За столомъ сидѣли: Душенька, Ляля, Попка, Владиміръ Иванычъ и я. Ляля была такъ хороша въ этотъ день, что Владиміръ поминутно цѣловалъ ея ручки.

Какъ только начинала пѣть канарейка, всѣ громко

хотали, а Владиміръ Иванычъ, пользуясь этимъ удобнымъ случаемъ, цѣловаль крѣпко Лялю, потомъ и мать и отца, а потомъ опять—таки Лялю. Онъ хотѣлъ даже цѣловать и меня, но я сказалъ, что это совершенно лишнее.

Я не буду говорить объ остальныхъ подробностяхъ; всякій самъ догадается, чѣмъ все это кончилось.

Марченко.

СЕРДЦЕ И МОРЕ.

(Подражаніе Гейне.)

Сердце—море; Часто грозы
Въ немъ, какъ на морь шумятъ;
Въ морь—жемчугъ, въ сердцѣ—слезы
Глубоко на днѣ лежатъ.
Въ сердцѣ, горемъ мы поднимаемъ
Слезы жаркія со дна;
Такъ и жемчугъ въ морь сипемъ
Въ бурю выкатитъ волна.
Много есть чудесъ завѣтныхъ
На широкомъ моря днѣ;
Много тайнъ есть безотвѣтныхъ
И въ сердечной глубинѣ...
Ясный сводъ лазури звѣздной
Ночью надъ моремъ виситъ;
Надъ сердечной, темной бездной
Ярко звѣздочка горитъ. —
Для пловца тѣ звѣзды въ морь
Путь укажутъ безъ слѣда;
Та звѣзда,—для сердца въ горь
Путеводная звѣзда.
Сердце—море. Въ дни ненастья,
Подъ грозой душевныхъ силъ,
Много горя я и счастья
Въ этомъ морь схоронилъ.
И теперь, съ судьбою споря,
О быломъ когда грущу,
Прежнихъ радостей и горя
Въ этомъ морь я ищу.

II.

IL BEATO *).

повѣсть.

(Изъ журнала Бюгора.)

Если кто когда либо видѣлъ небесные образы, созданные кистью Санти Тозини, корораго называли Фра Джіованно, а въ послѣдствіи il Beato, и удивлялся чудесному выраженію святости, разлитому во всѣхъ его изображеніяхъ святыхъ, то въ душѣ его, вмѣстѣ съ сладостнымъ трепетомъ благоговѣнія, должно было возникнуть убѣжденіе, что божественность въ искусствѣ тогда только выказывается во всей силѣ, когда художникъ посвятилъ свою кисть на служеніе Божеству.

*) Блаженный.

О томъ, какими часто странными путями достигали великіе художники этого служенія, можно прочесть во многихъ старинныхъ книгахъ о жизни древнихъ художниковъ. Знаменитый Фра Джіованно да Фіезоле, написавшій увѣнчаніе Царицы Небесной, вознесеніе Господне, рождество Іоанна Предтечи и еще многія замѣчательныя картины изъ жизни святыхъ, въ своей молодости писалъ совершенно другіе сюжеты, и прежде чѣмъ онъ создалъ своего перваго ангела, душа его должна была очиститься огнемъ страданій. Джіованно Тозини въ 17 лѣтъ былъ самый живой и необузданный юноша. Прекрасная земля, съ своею зеленою весною и очаровательными женщинами, въ то время была ему тысячу разъ милѣе неба. Даже въ церкви, во время обѣдни, которую онъ, какъ хорошій христіанинъ, никогда не пропускалъ, онъ гораздо съ большимъ вниманіемъ смотрѣлъ на молящихся женщинъ, чѣмъ на священника. Женщины прекрасной Флоренціи, куда онъ послѣ смерти родителей, въ 1404 году, переселился изъ Мугелло вмѣстѣ съ старшимъ братомъ, охотнѣе позволяли ему любоваться ими, чѣмъ кому другому, потому что Джіованно Тозини былъ такъ дивно хорошъ собою, что незнакомые, которые встрѣчали его на улицѣ, останавливались съ удивленіемъ и любовались его прекраснымъ лицомъ и мужественной осанкой; по плечамъ его рассыпались темныя кудри и блескъ его черныхъ глазъ побѣждалъ сердца самыхъ неприступныхъ красавицъ. Къ тому же искусная кисть его очаровывала старыхъ и молодыхъ, и такъ какъ онъ въ то время находилъ особенное удовольствіе писать женщинъ, то не удивительно, что онъ не могъ справиться со всѣми заказами. Видѣть свое изображеніе на доскѣ или на полотнѣ художника имѣло для женщинъ и въ древнія времена невыразимую привлекательность, и чѣмъ красивѣе былъ живописецъ, занимавшійся этимъ, тѣмъ болѣе было у него заказовъ. Джіованно Тозини, имѣвшій хотя и очень умѣренные средства къ жизни, былъ очень разборчивъ, и упускалъ изъ виду не одну горсть золота, только потому, что ему не нравилось лицо предлагавшей. Онъ отказывалъ многимъ знатымъ женщинамъ, потому только, что не могъ принудить себя передать полотну ихъ желтыя длинныя лица съ вялыми потухшими глазами, между тѣмъ, какъ употреблялъ свое время съ видимымъ удовольствіемъ за портретомъ бѣдной молодой рыбачки, которая съ непритворнымъ крикомъ радости смотрѣла, какъ ея загорѣлыя щеки о алыя губки, выступали изъ подъ кисти художника и охотно награждала его поцѣлуемъ за его искусство. У него было особенно странное понятіе о женской красотѣ, и многіе полагали, что онъ вовсе не умѣетъ цѣнить истинную красоту. Знаменитыхъ красавицъ Флоренціи онъ не считалъ достойными своей кисти; цѣв-

тущей цвѣтъ лица и блестящіе глаза не могли подкупить его; его болѣе прельщали взоры, подернутые грустною слезою, блѣдныя отъ тайной скорби ланиты, губы съ выраженіемъ страданій сердца: такія женскія головки писалъ онъ всего охотнѣе. Каждая женщина, которой удавалось заказать свой портретъ этому необыкновенному живописцу, считала себя счастливою, и не пожалѣла бы самой высокой платы за портретъ Джіованно Тозини. Иная даже охотно отдала бы ему навсегда душу свою, чтобы имѣть портретъ, имъ написанный, если бы этотъ художникъ съ огненнымъ взоромъ показалъ бы малѣйшую готовность принять подобный даръ. Но для Джіованно Тозини тайный подѣлуй, полученный украдкою, былъ дороже тысячи женскихъ сердець. Не взирая на жизнь между многими очаровательными женщинами, до этого времени ни одной не удалось держать его въ плѣну долѣе одного дня, и жалобы на его непостоянство перелетали съ однихъ пылающихъ устъ на другія. Самыя тонкія сѣти не могли укрыться отъ его вниманія, и самыя крѣпкія цѣпи онъ расторгалъ, шутя; самый прелестный цвѣтокъ надѣдалъ ему, когда онъ поблагоухалъ короткое время у его молодого, безпокойнаго сердца. Но женщины любили его еще болѣе за его непостоянство; каждая льстила себя тайной надеждою, что ей удастся поймать и привязать къ себѣ навсегда этого блестящаго мотылька.

Однако въ сердцѣ Джіованно была другая любовь, глубокая, неугасимая, которая находила такое же пламенное сочувствіе: онъ страстно любилъ своего единственнаго брата, который, будучи старѣе его десятью годами, былъ вмѣстѣ и его учителемъ, и для Джуліо также не было ничего дороже въ мірѣ его младшаго брата Джіованно. Въ его глазахъ не было юноши болѣе совершеннаго, прекраснаго и чистаго душой, чѣмъ братъ его и у него не было отъ него никакой тайны. Оба брата жили вмѣстѣ неподалеку отъ города, въ маленькомъ домикѣ, окруженномъ тѣнистымъ садомъ съ верандой изъ винограда, съ которой открывался прелестный видъ на городъ и на шумящій Арно. Тамъ-то обнявшись, сидѣли по вечерамъ братья часто до глубокой ночи и говорили о прошедшемъ, объ умершихъ родителяхъ, братьяхъ, сестрахъ о вѣсломъ дѣтствѣ и о будущемъ,—когда Джуліо сдѣлается знаменитымъ живописцемъ, чего онъ тайно надѣялся изъ года въ годъ. «Тогда мы переселимся въ Римъ!» говорилъ всегда Джіованно съ блестящими отъ радости глазами, и братъ въ отвѣтъ ласково кивалъ ему головою. Но въ сущности для Джуліо было мало надежды пріобрѣсть знаменитость: онъ былъ не болѣе какъ хорошій живописецъ, притомъ имѣлъ обыкновеніе скитаться по недѣлямъ по разнымъ мѣстамъ, и вообще работалъ очень мало.

Въ немъ жила неопределимая страсть къ путешествіямъ, которая ему не давала ни покоя, ни отдыха, и не позволяла ему долго оставаться подъ одной крышею. Подобное влеченіе—опасный даръ Неба, потому что не многимъ избраннымъ дамы къ тому необходимыя средства. Большая часть изъ нихъ связана по рукамъ и ногамъ, подобно бѣднымъ заключеннымъ, и при пламенномъ желаніи унести въ даль, сердца ихъ готовы разорваться, слѣдя за полетомъ ласточки или жаворонка. Подобные плѣнники, прикованные къ одному мѣсту, чувствуютъ тоже, что должна чувствовать перелетная птичка, подстрѣленная охотникомъ, которой ничего не остается, какъ заползти въ уголокъ и умереть въ одиночествѣ. Большею частію эти плѣнники, не имѣя возможности удовлетворить своему влеченію, дѣлаются странными людьми и ихъ дѣйствія и поступки никому не правятся. Еще при жизни родителей Джуліо безпрепятственно могъ странствовать, гдѣ ему было угодно и сколько времени ему хотѣлось, и никто не говорилъ ему о томъ ни слова упрека. Джіованно всегда сердечно радовался, когда высокая и широкоплечая фигура его брата показывалась въ городскихъ воротахъ, и тогда руки его обвивали шею возвратившагося путника. Пока Джуліо былъ дома, Джіованно не отходилъ отъ него и безъ сожалѣнія оставлялъ ради брата самыхъ очаровательныхъ женщинъ. Тогда было такъ много распросовъ и рассказовъ, и у Джуліо роилось въ головѣ такъ много прекрасныхъ сюжетовъ, которые онъ хотѣлъ передать полотну, но это ему никогда не удавалось. Когда онъ съ большимъ увлеченіемъ говорилъ о прекрасныхъ ландшафтахъ, видѣнныхъ имъ и о краскахъ, которыя онъ хотѣлъ передать полотну, Джіованно дѣлался печальнымъ и говорилъ, что ему бы также очень хотѣлось писать горы, долины и небо, ему казалось, что этотъ родъ живописи благороднѣе, чѣмъ изображеніе бѣдныхъ человѣческихъ образовъ, оригиналы которыхъ въ скоромъ времени обратятся въ прахъ, между тѣмъ какъ горы и долины, небо и солнце остаются одинаковы изъ вѣка въ вѣкъ. «Ты, Джуліо, будешь настоящимъ живописцемъ, а я буду только жалкимъ мазилкой, и это часто наводитъ на меня уныніе.» Джуліо на это отвѣчалъ ему смѣясь, что у него таланта больше, чѣмъ у десяти подобныхъ ему живописцевъ. «Когда ты будешь въ моихъ лѣтахъ о тебѣ будутъ говорить гораздо больше, чѣмъ обо мнѣ».

Въ день, когда Джіованно исполнилось 18 лѣтъ, Джуліо возвратился опять изъ очень продолжительнаго странствія. Съ радостнымъ восторгомъ заключилъ онъ въ объятія младшаго брата, увлекъ его въ мастерскую, сбросилъ съ себя котомку, и сѣвъ на деревянную скамью, сказалъ ему: мнѣ надо сообщить тебѣ очень важное дѣло, дитя мое! Завтра опять мы разстанемся, но

если Богу будетъ угодно, не надолго и я привезу тебѣ нѣчто очень милое и прекрасное, а именно молоденькую сестрицу. Не смотри на меня такъ недовѣрчиво, я не шутя тебѣ говорю, что женился не подалеку отъ Болоньи.

Джіованно очень удивился этой новости, сердце его болѣзненно жалось, и ревность закралась въ его душу. «Ты не будешь теперь любить меня такъ, какъ прежде,» — сказалъ онъ. Но Джуліо, смѣясь, старался его успокоить, и призывалъ въ свидѣтели всѣхъ святыхъ, что онъ всегда будетъ занимать первое мѣсто въ его сердцѣ, и если бы жена его была еще въ тысячу разъ прекраснѣе.

— Такъ она прекрасна? спросилъ Джіованно съ любопытствомъ.

— По крайней мѣрѣ слишкомъ прекрасна для меня, отвѣчалъ онъ.

— Зачѣмъ ты не взялъ ее тотчасъ съ собою?

— Потому что она хотѣла остаться у своей больной матери, пока она выздоровѣетъ или оставитъ этотъ міръ.

— Гдѣ видѣлъ ты ее въ первый разъ?

— Въ Болоньѣ, въ домѣ ея дяди, богатаго золотыхъ дѣлъ мастера. По правдѣ сказать, ея мать первая обратила на меня вниманіе, потомъ она занемогла и отдала мнѣ свою дочь. Я очень люблю Джудитту, но она слишкомъ молода для меня: ей только 16 лѣтъ.

— Зачѣмъ ты ушелъ отъ нея?

— Потому что мнѣ сгрустнулось по тебѣ, и потому еще, что я хотѣлъ просить тебя немного устроить домъ, чтобы въ немъ могла жить женщина. Ты вѣрно это сдумъешь лучше меня, и твоя молоденькая сестра будетъ тебѣ за это благодарна.

Джіованно обѣщавъ все устроить, какъ только сдумаетъ и братья пробесѣдовали всю ночь. На другой день Джуліо опять простился съ братомъ; Джіованно пожелалъ больной скорой и тихой кончины, и старшій братъ весело пустился въ обратный путь. При послѣднемъ прощальномъ поцѣлуѣ онъ снялъ съ руки золотое колечко и сказалъ брату: это кольцо надѣла мнѣ на палецъ жена моя въ день нашего брака, но оно мнѣ немного тѣсно и мѣшаетъ; возьми его и побереги у себя, пока я у тебя потребую его обратно. Джіованно, смѣясь, надѣлъ его на палецъ и оно пришлось ему такъ хорошо, какъ будто было сдѣлано по мѣркѣ. Потомъ они разстались.

Джіованно приступилъ къ различнымъ приготовленіямъ, чтобы сдѣлать верхній этажъ удобнымъ для пріятія молодой женщины, и при установкѣ мебели и хлопотахъ имъ овладѣло такое странное чувство, какъ будто онъ устраивалъ это гнѣздышко для самого себя, а не для другаго. Комнату молоденькой сестры старал-

ся онъ убрать какъ можно красивѣе и рядомъ съ нею была общая мастерская, гдѣ онъ такъ поставилъ свой мальбретъ, что всегда могъ видѣть мѣсто, гдѣ стояло деревянное кресло, назначенное для молодой хозяйки. Спальню онъ украсилъ также очень хорошо, и работалъ неутомимо въ саду, чтобы и онъ доставилъ пріятный видъ ожидаемой сестрѣ. Съ гордою радостію любовался онъ дѣлами рукъ своихъ, ходилъ взадъ и впередъ по комнатамъ и сладостное безпокойство овладѣвало его молодымъ сердцемъ. Онъ почти цѣлый день оставался дома, и только предъ обѣдомъ отправлялся къ близлежащей остеріи и приносилъ себѣ домой запасъ плодовъ и пирожковъ, составлявшихъ его обѣдъ и ужинъ. Живописью онъ почти пересталъ заниматься, портретъ молодой улыбающейся флорентинки стоялъ на мальбретѣ и оставалось только сдѣлать нѣсколько штриховъ, чтобы докончить его, но эти штрихи оставались не додѣланными. Джіованно самъ не понималъ себя; до этого времени онъ никогда не былъ лѣнивъ; теперь же онъ сидѣлъ по нѣсколькимъ часамъ на скамейкѣ, прислонивъ голову къ мальбрету, одною рукою держалъ онъ небрежно палитру, другою кисть и задумчиво смотрѣлъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ у открытаго окна стояло простое рѣзное кресло. Тамъ онъ часто видѣлъ такъ ясно, что могъ, казалось, осязать рукою, образъ прекрасной молодой женщины въ свѣтлой одеждѣ, который смотрѣлъ на него, улыбаясь ему и кивая головою. Удивительно толко отдѣлялась головка отъ зелени винограда, врывававшейся въ окно; тяжелыя темныя косы обвивали прекрасный лобъ и подобно сіянію свѣтились золотистымъ отливомъ. Все это видѣлъ онъ такъ живо, что иногда вскакивалъ, бралъ доску и хотѣлъ удерживать кистью этотъ прелестный образъ, но онъ каждый разъ исчезалъ, какъ туманное облако. Воспоминаніе объ этой неуловимой головкѣ, отнимало у него охоту писать другія женскія головы, и онъ съ тѣхъ поръ съ неудовольствіемъ принималъ заказы; картины его измѣнялись, и художникъ вмѣстѣ съ ними. Прекрасный Джіованно Тозини сталъ разсѣянъ и грустенъ въ обществѣ прелестнѣйшихъ женщинъ, и портреты, которые онъ съ нихъ писалъ, въ половину не были такъ хороши, какъ прежде. Казалось, что къ прежнимъ живымъ краскамъ примѣшался сѣрый, печальный тонъ и что легкая тѣнь легла на яркія произведенія его кисти. Эту перемену замѣчалъ онъ и самъ, но мало о томъ печалился. Онъ едва замѣтилъ, что со времени ухода брата прошли осень и зима, что весна уступила мѣсто лѣту. Ему было такъ хорошо въ своемъ уединеніи и дѣлалось съ каждымъ днемъ все лучше и пріятнѣе, потому что прелестный образъ началъ постепенно принимать болѣе ясныя формы, и наконецъ далъ даже возможность набросать себя въ легкихъ контурахъ—самое

пламенное желаніе Джіованно было исполнено. Съ безпокойствомъ, испугавшимъ его самого, началъ онъ думать о возможно-скоромъ возвращеніи веселаго брата, который вырветъ его изъ его прелестнаго уединенія и станетъ насмѣхаться надъ нимъ, если бы онъ вздумалъ открыться ему во всемъ; онъ почти готовъ былъ возненавидѣть повую сестру свою, которая осмѣлится вытѣснить прелестное созданіе его фантазіи съ мѣста у окна. Чувство невыразимой нѣжности къ этому милому образу, созданному собственной фантазіей, овладѣло всѣмъ существомъ его, и усердная молитва его къ своему патрону заключалась каждый вечеръ словами: «о помощи, чтобы никто не нарушалъ моего уединенія!» Любовь къ брату, которая нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ наполнила всю его жизнь, исчезла, какъ бѣдная капля въ морѣ опьяняющихъ мечтаній.

Такъ прошелъ цѣлый годъ съ отсутствія Джуліо, и одинокій Джіованно получилъ въ продолженіе этого времени только одно извѣстіе о братѣ отъ проѣзжаго живописца; братъ прислалъ ему поклонъ и извѣщалъ, что теща его умерла, а жена еще слишкомъ слаба и больна для путешествія. Былъ прекрасный осенній день. Джіованно сидѣлъ въ мастерской и въ сотый разъ принимался рисовать на пергаментномъ листѣ головку милаго видѣнія — тонкія очаровательныя линіи чистаго профиля были уже окончены и вокругъ чела легли тяжелыя косы. Вдругъ овладѣло художникомъ необыкновенное безпокойство, ему казалось, что какой-то голосъ сказалъ ему на ухо: «сегодня они пріѣдутъ!» — Онъ поспѣшно отодвинулъ отъ себя все и побѣжалъ въ садъ нарвать цвѣтовъ и украсить ими комнату и мастерскую. Самый лучшій букетъ поставилъ онъ передъ кресломъ повой сестры, а другой прикрѣпилъ къ мальбрету Джуліо. Чѣмъ болѣе страшился онъ въ душѣ возвращенія брата и разрушенія своей мечтательной жизни, тѣмъ большія наружныя признаки радости хотѣлъ онъ оказать ему, чтобы Джуліо никогда не могъ узнать о его желаніи видѣть его подалѣе отъ себя. Да и сестра его не должна была ничего замѣтить, и потому онъ неутомимо украшалъ комнаты цвѣтами и вѣнками; еще разъ побѣжалъ онъ въ садъ, нарѣзать длинныхъ вѣтвей, чтобы украсить ими кресло, гдѣ до этой минуты всегда являлось ему милое видѣніе. Чрезъ нѣсколько времени, когда онъ возвратился, солнце уже зашло, вечерняя заря освѣтила комнату золотистымъ цвѣтомъ, и длинныя виноградныя вѣтви, колыхаемыя легкимъ вечернимъ вѣтеркомъ, врывались въ открытое окно. Джіованно вошелъ съ цвѣтами и зеленью въ обѣихъ рукахъ; темныя, немного спутанныя локоны висѣли по плечамъ его, большіе глаза свѣтились лихорадочнымъ огнемъ ожиданія. Вдругъ онъ громко вскрикнулъ, лицо его покрылось смертною блѣдно-

стію, онъ отступилъ нѣсколько шаговъ, и цвѣты и зелень выпали изъ рукъ его прямо къ ногамъ молодой женщины, которая стояла передъ нимъ. Пресвятая Дѣва! сердце Джіованно перестало биться — совершилось чудо — съ улыбкою и полное жизнію, стояло передъ нимъ давно любимое имъ видѣніе! Это было то же юное, прелестное созданіе, стройное и вмѣстѣ роскошное, въ свѣтлой одеждѣ, тѣже тяжелыя, темныя косы обвивали лобъ ея, тотъ же прекрасный носъ, тотъ же очаровательный ротикъ съ выраженіемъ печали вокругъ губъ, темные глаза съ длинными рѣсницами! Не извѣстно, что сдѣлалъ бы Джіованно отъ упойтельнаго восторга, вдругъ переполнившего его душу, если бы Джуліо не заключилъ брата въ свои объятія и не осыпалъ его ласками и вопросами. Потомъ велѣлъ онъ своей молодой женѣ подать руку брату, что она и исполнила, краснѣя. Оба помѣнялись робкимъ пожатіемъ руки, какъ незнакомыя дѣти, которыя въ первый разъ должны играть другъ съ другомъ, и Джуліо прибавилъ весело: «извини, что мы такъ внезапно напали на тебя, но я не могъ найти посланнаго, чтобы извѣстить о себѣ. Позаботился ли ты о постелькѣ для нашего мальчуга? Посмотри какого прекраснаго мальчугу мы привезли съ собою! Съ этими словами онъ взялъ съ рукъ толстой служанки барахтавшагося и весело вскрикивавшаго ребенка и съ гордостію показалъ его брату: «это нашъ сынокъ, вчера исполнилось ему три мѣсяца!»

— Я ничего не зналъ объ этомъ:—проговорилъ запинаясь Джіованно.

— Не безпокойся о немъ, сказалъ Джуліо весело, онъ будетъ спать съ своею матерью!... а ты, Розетта, оставь мнѣ ребенка, да пойди въ кухню приготовить намъ что нибудь для ужина, потому что мы очень проголодались.

Джіованно блѣднѣлъ и краснѣлъ, у него занялось дыханіе. Джуліо говорилъ о кухнѣ, а о ней-то молодому брату его и не приходило никогда въ голову! развѣ братья съ самаго начала не брали всегда кушанья изъ ближней остеріи? Кому же могла прійти въ голову забота о кухнѣ! Цвѣтовъ было вездѣ много, а ѣсть — нечего! Онъ вспомнилъ теперь о темномъ уголкѣ въ нижнемъ этажѣ, но на этомъ очагѣ никогда не разводили огня. Когда онъ наконецъ сознался въ своей оплошности, то ему еще пришлось вынести порядочныя насмѣшки. Служанка побѣжала наконецъ къ хозяйкѣ остеріи, и не взирая на недостатокъ кухни, въ маленькомъ домикѣ братьевъ Тозини въ этотъ вечеръ никто не умеръ съ голода, а малютка спалъ эту ночь у груди молодой матери покойнѣе, чѣмъ въ самой мягкой постелѣ въ мірѣ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

КРОВНАЯ ОБИДА.

(Рис. С. А. Любовникова).

— Вы, милостивый государь, закричали вчера моему чело-
вѣкъ! Какъ вы смѣли закричать ему «чело-
вѣкъ!» Мой чело-вѣкъ для меня
чело-вѣкъ, а для васъ не чело-вѣкъ!

— Тутъ очень грязно, вы только крѣпче
держитесь: ужъ я перенесу Ваше Выс — діе.
— Да вы то сами замараетесь.
— Ничего-сь, я и такъ замарапъ...

(Рис. И. Ѳ. Шестакова).

Цѣловальникъ. До шкалика недостаетъ цѣлой седмики: водка
подорожала.

Крестьянинъ. Эко дѣло! а выпить смерть хочется: больно
дождекомъ прошибло... Ну дѣлать печего: вотъ купилъ было
себѣ въ Успеневу дню обнову, кушакъ... на, тащи его! да-
вай ужъ цѣлую косушку.

**ПРЕДОХРАНТЕЛЬНОЙ СПАРЯДЪ ОТЪ
МОКРОТЫ.**

НОВѢЙШЕЕ ИЗОБРЕТЕНІЕ!

Такъ какъ у насъ, отъ сильныхъ дождей
случаются нерѣдко паводченія, то я, ниже-

подписавшійся, предлагаю почтеннѣйшей публикѣ вновь изобрѣтенный мною на такія случаи *предохранительный снарядъ отъ мокроты*.

Этотъ снарядъ особенно съ пользою можетъ служить господамъ, имѣющимъ жительство у Пречистенскихъ воротъ, на Остоженкѣ, на Самотекѣ, у Кузнецкаго моста, на Трубномъ и Цветномъ бульварахъ и вообще тамъ, гдѣ имѣются водосточныя трубы. Главнѣйшимъ же образомъ рекомендуется оный недостаточнымъ чиновникамъ, лишеннымъ возможности нанимать извожиковъ. Для таковыхъ господъ имѣется значительный запасъ такъ-называемыхъ «чиновничьихъ сапогъ» со тщательно устроенною при голенищѣ портфелью для защиты казенныхъ бумагъ отъ дождя. Цѣна самая умеренная и продажа безъ запроса. Мастеръ *Кривецкій*.

Жительство имѣю: Тверской части, 10 квартала. въ домѣ подъ № 1,111.

НАШЕ ВРЕМЯ.

ПИСЬМА КЪ ПРІЯТЕЛЮ.

IV.

(Окончаніе.)

Старшая дочь Вѣры Борисовны, Авдотья Николавна, та, у которой лицо въ веснушкахъ, просто прелесть что за дѣвица. И какая, вѣдь, хозяйка. Я по неволѣ опять вспоминаю Пепелону. Какая она, т. е. не Пепелона, а Авдотья Николавна, мастерица варить варенье: паточнаго у нея не отличишь отъ сахарнаго. Но Вѣра Борисовна, по своей скромности и, между нами сказать, изъ уваженія къ веснушкамъ, о выдачѣ замужъ Дуни и не мечтаетъ: Дуню она прочитъ въ вѣковуши. Такая, право, добрѣйшая эта Вѣра Борисовна: ей какъ-будто совѣстно и въ мысли навязать кому-нибудь дочь съ веснушками. Между тѣмъ, посмотри какъ любитъ Дуничку княгиня Азаматова: Авдотья Николавна почти живмя живетъ у княгини.

Княгиня любитъ и вторую дочь Вѣры Борисовны, Груню. А ужъ коли Аграфена Николавна не красавица, такъ я ужъ и не знаю, чего вамъ надо, господа! Талія въ рюмочку, волоса какъ смоль черные, глаза—что твои шанскія вишни, поступь... ну точно, бывало, госпожа Жулева въ званіи какой-то королевы, не припомню теперь, какой именно. Бывало въ городѣ Т., гдѣ мнѣ приходилось жить во дни оны, такихъ дѣвицъ, какъ Аграфена Николавна, единогласно пазывали безприданницами. И я быюсь объ чемъ угодно, что Аграфена Николавна не только непременно выйдетъ замужъ, по и, что пазывается, сдѣлаетъ партію: какъ ей не понравится хоть бы даже генералу? Добрѣйшая Вѣра Борисовна и сама подъ шумокъ это думаетъ, въ особенноти, когда, отпуская Дуню къ княгинѣ Азаматовой, поправляетъ бандо ея волосъ. Княгиня Азаматова не разъ проговаривала:

— Ну ужъ объ Грушенькѣ, добрѣйшая Вѣра Борисовна, думать нечего: коли мы съ вами о ней и не позаботимся, сама не засидится.

Аграфена Николавна чрезвычайно нравится сыну княгини, молодому, ловкому, красивому гвардейскому улану. Онъ тоже очень нравится Аграфенѣ Николавнѣ, особенно же нравится ей его пунцовые отвороты и бѣлый хвостъ на шапкѣ. И дѣйствительно, отвороты и хвостъ чрезвычайно красивы.

— Смотрите, *Agrippine*, не влюбляться въ моего Сашу, однажды сказала княгиня Азаматова, любезно погрозивъ пальцемъ Аграфенѣ Николаевнѣ: — онъ еще ребенокъ, можно сказать. Вы способны съума свести неопытнаго мужчину.

Третья дочь Вѣры Борисовны, Катя, такая хохотушка, что еслибы съ ней поближе познакомился любой Англичанинъ, одержимый сплиномъ, онъ сразу бы выльчился.

— Я, маменька, говоритъ иногда Катерина Николавна, за старика выйду замужъ, только за богатаго, ха-ха-ха! Онъ будетъ табакъ нюхать, а я буду мочить, ха-ха-ха!

— Повѣса ты моя, отвѣчаетъ обыкновенно добрѣйшая Вѣра Борисовна, право, повѣса!

Варя, четвертая дочь Вѣры Борисовны, та, у которой кончикъ носа постоянно красенъ, обнаруживаетъ также чрезвычайно счастливыя расположенія по хозяйству: она всегда помогаетъ старшей сестрѣ, когда сія послѣдняя варитъ варенье. И между этими двумя сестрами, можетъ быть, вслѣдствіе небольшого природнаго изъяна, съ которыми онъ явились на свѣтъ божій, существуетъ самая трогательная симпатія. По временамъ онъ молча взглянуть другъ на друга, молча пожмутъ другъ другу руки и молча поцѣлуются. Одинъ изъ древнѣйшихъ мыслителей замѣтилъ, что несчастіе соединяетъ: такъ Дуню и Варю соединяютъ веснушки и краснота оконечности носа. Добрѣйшая созданія!

Варвара Николавна по утрамъ долго ходитъ съ рисовою пудрою на носу; сверхъ того, по совѣту нѣкоторой ветхой старушки, безъ сомнѣнія чрезвычайно богатой житейскою опытностію, она иногда пьетъ уксусъ. Вслѣдствіе этого, не должно терять надежды, что краснота на носу, рано или поздно, пройдетъ. Пройдутъ вѣроятно, и веснушки у Авдотьи Николавны, ибо она, по наученію другой старушки, о чемъ я, вповога, и забылъ сказать, патираетъ лицо лягушечей кровью съ порошкомъ мышинаго горюшка. Пройдутъ, пройдутъ и краснота, и веснушки: это все вздоръ! А Варя и всего-то осьмнадцатый годъ.

Младшая дочь и послѣднее дитя Вѣры Борисовны—четырнадцатилѣтняя Лиза. Хотя она еще ходитъ съ махровыми пожками, уподобляясь цесарской курочкѣ, а косы ея гладко повязываются кругомъ головы, тѣмъ не менѣе уже и теперь она общаетъ пойти, какъ говорится, по стопамъ своей сестры Аграфены Николавны. Годикъ-другой, посмотри, что у ней будетъ за талія, какъ приподнимутся у ней плеча и грудь, теперь, конечно, еще не сформировавшіяся; а волосы у нея и теперь уже заглядывше. И она фаворитка Аграфены Николавны. Съ какою любовью Груня передала Лизѣ тайны польки, съ какимъ чувствомъ учить ее пѣть «тройку» и выучить ее еще другимъ романсамъ, не менѣе пріятнымъ въ устахъ прелестной дѣвицы!

Такъ-то среди многочисленной семьи, которую благосло-

виль ее Богъ, поживаетъ себѣ добрыйшая Вѣра Борисовна. И не мало ей хлопотъ. Накорми, обуй, одѣнь, наряди: нешуточное дѣло. Да, кабы не доброта ея безконечная, пропасть бы и семья, и ей самой.

Встанетъ утро, встанетъ Вѣра Борисовна, разсядется на своемъ диванѣ, что въ гостиной, и приступаетъ къ распоряженіямъ на весь день. Семья сидитъ вокругъ чайнаго стола.

— Ты, говоритъ Вѣра Борисовна, обращаясь къ старшему сыну, зайди изъ палаты-то къ Ивану Алексичу: что жъ, молъ, чаю-то обѣщались кяхтинскаго. Пора бы попомнить, давно, вѣдь, я чай, обозъ отъ Макарія пришелъ. Да ужъ фунтика три, Петруша.

— А деньги-то, маменька?

— Какія ему деньги! Напасешься на все денегъ... А ты, Груша вели себѣ серизовое платье выгладить, что съ баскиномъ. Ужо княгиня пришлетъ: она говорила, во второмъ часу. Да напхни ты княгинѣ на счетъ муки-то: что имъ! Вѣдь изъ тульской-то у нихъ привозятъ—конца краю нѣтъ.

— Маменька, что это вы? какъ я княгинѣ буду напоминать!

— То-то, Груша, все-то вы, я вижу, еще молоды. Ну такъ, просто и напхни—къ слову. А не то и ея безпокоитъ нечего: Панкратьевнѣ скажи, ключницѣ. Дескать, маменька велѣла кланяться; а вы, голубушка Арина Панкратьевна, муки-то, молъ, намъ не забудьте.

— Маменька, вы мнѣ дайте полтора цѣлковыхъ, говоритъ Митя,—перчатки надо купить, у Торбека, лиловыя.

— Хорошо, хорошо, Митя, отвѣчаетъ Вѣра Борисовна.— Да что это тебѣ вздумалось лиловыя? Марки.

— Что это вы, маменька, какія все вещи говорите. Мало ли что марко? Вся порядочные люди нынче носятъ.

— Развѣ что такъ.

— Да ужъ я знаю, маменька.

— Хорошо, хорошо.

— Вѣра Борисовна! докладываетъ въ эту минуту горничная,—Ефимъ пришелъ-съ.

— Что ему?

— Да просить, оброкъ чтобы изволили подождать: погорѣла у нихъ на той недѣль вся артель, какъ есть.

— Видишь ты: дуракъ онъ, скажи ты ему. Я что ли его подожду? Тотъ не принесетъ оброку, съ другаго обожди, а мнѣ тогда гдѣ взять? И то я ихъ всѣхъ избаловала. При покойникѣ, небось, не разговаривали. Ты ему скажи, не принесетъ онъ мнѣ оброка къ первому числу, я его къ частному, пусть съ нимъ расправляется; не люблю я этихъ безпорядковъ.

— Маменька, говоритъ второй сынъ Вѣры Борисовны,—книгу бы мнѣ одну очень нужно...

— Какую еще?

— «Путешествіе въ Япоцію» доктора...

— Ну ужъ, батюшка, не наготовлюсь я на тебя путешествій. Самъ ты видишь, не маленькій, кажется, какъ бы, иногда, по старости, мнѣ нужно доктора: одна поясница замучила,—такъ нѣтъ, все подумаешь, чтобы лишняго рубля изъ кармана не вышло. А ты сходи къ тому, ну къ ин-

спектору-то, да поклонись хорошенько. У нихъ тамъ какихъ-какихъ нѣтъ: видимо-невидимо по школамъ-то. Да зайди ты ужъ кстати къ отцу Матвѣю: цыплятъ, молъ, вы намени обѣщались парочку на племя. Стумнешь ли ты сказать-то, прости Господи?

— Отчего же не сказать, какъ-то понуривъ глаза, отвѣчаетъ сынъ:—отъ васъ, вѣдь, буду говорить—не отъ себя.

— Да я-то тебѣ что: чужая что ли?... Уродилась травка, прибавляетъ Вѣра Борисовна вполголоса, прости Господи мое согрѣшеніе!

И доброе сердце добройшей женщины нехотя сжимается.

....Два часа. Вѣра Борисовна чуть-чуть не одна дома, дома еще Катя да Варя. Груша уехала къ княгинѣ Азаматовой, потомъ княжна прислала и за Авдотьей Николавной. Сыновей ни одного нѣтъ: старшій на службѣ, второй пошелъ разыскивать свои глупыя книги, третій отиравился къ графу Далалыкину, провести время въ хорошемъ кругу и заискать на будущее время въ хорошихъ людяхъ. Катя тоже уехала къ какой-то знакомой дамѣ, очень почтенной, которая ее чрезвычайно любитъ.

И вотъ къ вечеру опять, глядишь, сберутся все: принесутъ и чаекъ отъ Ивана Алексича, и муку, пожалуй, привезутъ отъ княгини Азаматовой, и цыплятъ отъ отца Матвѣя, а тутъ, бываетъ, неожиданно что-нибудь Богъ дастъ. И такъ пройдетъ день, и все хорошо. А завтра опять тоже. Къ первому числу и оброкъ доставитъ Ефимъ: неволя ему развѣ вѣдаться съ частнымъ?

А все что? Вѣра Борисовна, да Вѣра Борисовна. Пуше же того—ея доброта безконечная.

Н. Н.—нѣ.

I.

ДЕНЬГИ.

(Изъ послѣднихъ пѣсень Беранже.)

Пріяель, мнѣ ужасно трудно,
Охъ, помоги бѣдѣ моей!
Я знаю, деньги лѣчатъ чудно
Отъ малыхъ и большихъ скорбей.
Стократъ счастливъ, кто обладаетъ
Бальзамомъ чуднымъ кошелька,
И этимъ даромъ исцѣляется
Недуги брата-бѣдняка.

Сошлася радость бы со мною,
Когда бы я при деньгахъ былъ,
Но знаютъ все, что я душою
Для нихъ ни разу не кривилъ;
Хотя и съ бѣдностью дружиться
Пришлось въ моемъ мнѣ уголкъ,
Но счастье не нѣдче спится,
Какъ съ полнымъ кошелькомъ въ рукъ.

Тотъ только деньгамъ цѣну знаетъ,
Кто вѣкъ былъ другомъ для людей.
Жанъ-Жакъ Руссо ихъ проклиняетъ
Въ печальной гордости своей.
Мнѣ жъ милъ ручей, когда порою
Полудня, роясь межъ кустовъ,
Поить холодною волною
И голубей, и соловьевъ.

Что стоятъ людямъ ихъ богатства?
Отвѣтъ мнѣ слышится въ словахъ:
Позора, лести, святотатства, —
Нѣтъ, не хочу я этихъ благъ!
Молва про деньги протрубила,
Что адомъ созданы онъ;
Нѣтъ, ихъ торговля породила,
Жаль только — дороги въ цѣнѣ!

Когда-жъ могучій голосъ Бога
Въ цѣнѣ упасть имъ повелитъ,
На зло умѣренности строгой
Я стану деньгами сорить.
И тѣмъ всего вѣрнѣе міру
Съумѣю доказать, ей-ей, —
Гожусь ли я писать сатиру
На современныхъ богачей.

Но деньги дороги; взываю
Къ тебѣ: уйми печаль мою,
И знай, что я предпочитаю
Бумажки франкамъ и экию.
Бумажекъ этихъ другъ твой проситъ
И про себя онъ говоритъ, —
Что вѣтеръ быстро ихъ унеситъ,
А счастье скупо ихъ даритъ.

Графъ И. Мамуна.

АНЕКДОТЪ

О томъ, какъ одинъ изобрѣтательный господинъ приобрѣлъ себѣ очень выгодно пару новыхъ сапогъ.

Въ одной изъ лучшихъ гостинницъ Москвы остановился прїѣхавшій откуда-то господинъ и тотчасъ велѣлъ привести къ себѣ лучшаго сапожника. Спустя полчаса, сапожникъ явился и господинъ, не торгуясь, заказалъ ему пару сапогъ, но съ тѣмъ, чтобы они были готовы никакъ не поздне, какъ на слѣдующій день къ 12 часамъ, потому что ему нужно ѣхать по желѣзной дорогѣ въ Петербургъ. Сапожникъ обѣщалъ исполнить его требованіе и удалился. Тогда господинъ отправился на Кузнецкій мостъ, и отыскавъ тамъ

другаго сапожника, заказалъ ему другую пару сапогъ почти на тѣхъ же условіяхъ и далъ ему свой адресъ. На слѣдующій день явился первый сапожникъ и принесъ отличную пару сапогъ. Господинъ примѣрилъ ихъ, но нашелъ, что лѣвый сапогъ нужно немного расширить на колодку, потому что онъ нѣсколько тѣсенъ. «Я отложилъ свой отъѣздъ до завтра, сказалъ онъ мастеру, а потому вы успеете это сдѣлать и прислать его мнѣ сегодня вечеромъ. Въ шесть часовъ я буду дома.» Сапожникъ, взявъ узкій сапогъ, удалился. Спустя полчаса, пришелъ другой сапожникъ съ сапогами. И эти были очень хороши, только правый сапогъ былъ нѣсколько тѣсенъ, и потому господинъ возвратилъ его мастеру съ тѣмъ же приказаньемъ и назначилъ ему часъ, когда онъ можетъ застать его дома.

Въ назначенный часъ оба сапожника явились въ гостинницу, одинъ съ лѣвымъ, другой съ правымъ сапогомъ, за полученіемъ денегъ; но комната, занимаемая ихъ заказчикомъ, оказалась пустою: онъ уже уѣхалъ въ Петербургъ!

ЗАМѢТКА.

Въ 168 № Вѣдомостей Московской Городской Полиціи мы прочитали письмо г. доктора Ивапа—извиняте—Юанна Шмелинга, написанное по поводу двухъ замѣтокъ,—одной, помѣщенной въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, а другой въ 30-мъ № «Развлеченія» съ заглавіемъ: «Нѣтъ болѣе смертельныхъ болѣзней!» Выписываемъ изъ этого письма только то, что относится прямо къ намъ. Вотъ что пишетъ намъ докторъ Ивапъ, то-есть, Юанпъ Шмелингъ:

«Г. Н. Н., сотрудникъ «Развлеченія», правъ, что я страдаю карманною чахоткою, потому что лѣчащіяся у меня знаютъ мое сребролюбіе?! Страдаю ли я чахоткою мозга? не знаю! Больные со мной не спорятъ, когда я имъ опредѣляю болѣзнь.»

И такъ слухъ, сообщенный нами, до половины оправдался: почтенный докторъ самъ нечестно сознается, что онъ страдаетъ карманною чахоткою! Что же касается до второй болѣзни, чахотки мозга, то, какъ видите, читатели, это вопросъ еще не рѣшенный: самъ докторъ отзывается о немъ *незнаніемъ*, а говоритъ только, что больные съ нимъ *не спорятъ*, когда онъ имъ опредѣляетъ болѣзнь. И прекрасно! Этого, видно, очень достаточно, чтобы опровергнуть всякое сомнѣніе о нормальномъ состояніи его головы. Прибавимъ только отъ себя два-три стишка:

«Твои нападки мнѣ нисколько не опасны, —
Мнѣ говорить время въ повѣвшихъ Инократъ,
Гомео-алло-гидропатъ:
Мои больные все со мной согласны,
А мертвые — молчатъ!»

Редакторъ О. Миллеръ.